

Амбиции и амуниции. Размышления перед выборами

Председатель Сибирского отделения РАН академик Валентин Николаевич Пармон — о том, кто и почему достоин быть избранным в Российскую Академию наук.

Весной 2022 года состоятся выборы в РАН — третьи после реформы 2013-2014 годов. Академия тогда лишилась многих статусов и возможностей, перестала управлять системой научных организаций, и злые языки стали называть ее парадным, но безвластным клубом ученых. Сразу замечу, что клуб, тем более такой элитарный — тоже полезный функционал. Однако ключевыми и определенными законом 2013 года миссиями РАН стали только экспертиза большинства научных программ и проектов России, содействие в организации комплексных исследований, межнаучные и научные коммуникации (включая международные), пропаганда науки и научных знаний. То есть миссии, не несущие особой ответственности за их невыполнение, на условиях поддержки членов РАН достаточно приличными пожизненными стипендиями. Поэтому последние выборы в РАН 2019 года состоялись высококонкурентными, хотя и не лишенными драматических коллизий. Действительно, заявки на участие в выборах подавали не только заслуженные деятели науки, но даже те, кого система «Диссернет» уличила, как выяснилось перед голосованием, в плагиате.

Теперь, когда усилиями руководства Академии наук нарастает ее авторитет (в том числе у федеральных органов власти) и ставится вопрос о возвращении ей ряда функций, выборы в РАН с повышенной ответственностью ее членов перед государством приобретают существенно более принципиальный характер.

Роль Академии наук в истории России трудно переоценить. Начиная с великих экспедиций XVIII века, через разработанный еще до революции план электрификации ГОЭЛРО, индустриализацию страны и научный вклад в победу над фашизмом, через атомный, космический, гидроэнергетический и нефтегазовый проекты СССР Академия обеспечивала нашей стране позиции сверхдержавы, и если сегодня она не вполне является таковой, то во многом это связано с ослаблением учета мнения и государственной поддержки академической науки. Академия была и остается мозговым центром, генштабом российского научно-образовательного комплекса, и принадлежность к ней придает ученому и влияние, и, о чем нередко забывают, ответственность.

Исторически в Российской Академии наук членство сложилось двухступенчатым: помимо действительных членов (академиков) в нее избираются члены-корреспонденты. Эта практика пришла из зарубежных академий, в работе которых вторые принимали участие заочно, по переписке. Недавно был учрежден третий статус — профессор РАН. Академиков избирают, за редкими исключениями вроде Сергея Павловича Королева или Льва Давидовича Ландау, из членов-корреспондентов. Последними, как и профессорами РАН, в свою очередь, могут стать только доктора наук. Но далеко не любые доктора наук, что я хотел бы особо акцентировать.

Прежде всего, кандидат в Академию должен иметь **выдающиеся и признанные научной общественностью заслуги в науке**. Причем в науке достаточно широкого профиля: узкий специалист, по словам Козьмы Пруткова, подобен флюсу. Трудно представить выдвижение в РАН исследователя, у которого дипломная работа, кандидатская и докторская диссертации посвящены одной и той же ограниченной тематике. А слово «выдающиеся» предполагает некоторые критерии оценки, и они есть. Объективные — количество публикаций в авторитетных журналах и сборниках.

Важен и пресловутый индекс Хирша, хотя этот показатель индикативен далеко не для всех. Например, у выдающегося академика Геннадия Викторовича Саковича он меньше 10, зато, по выражению одной журналистки, «его “хирши” стоят на боевом дежурстве от Калининграда до Чукотки». Субъективная же оценка значимости заслуг кандидата в члены РАН складывается из десятков мнений его коллег, своего рода «гамбургского счета» — это относится и к специальным тематикам. Серьезные ученые никогда не будут голосовать за претендента на академический значок, если этот кандидат им малоизвестен и о результатах которого они не слышаны. Важнейшим моментом науке (как, впрочем, и в остальной жизни) является исключительная честность, способность признать свои ошибки в постановке публично «засвеченных» исследований или интерпретации их результатов. Альберт Эйнштейн иногда ошибался и не стеснялся публично это признавать.

Очень важна и **социальная, организаторская активность** кандидата в члены РАН. Участвовать в проведении конгрессов, конференций и симпозиумов, руководить постоянными и временными научными коллективами, вести семинары и выездные школы, работать в ученых советах и редакциях научных изданий, выступать с лекциями перед

молодежью, отвечать на запросы журналистов с комментариями и так далее — всё это добавляет потенциальные голоса за кандидата и, совокупно с собственно научными результатами, формирует его известность в академической среде. Не исключая, что на ближайших выборах, к примеру, будут баллотироваться представители Казанского (Приволжского) федерального университета, отличившиеся в организации и проведении крупного международного нефтегазового форума. Напротив, гений-одиночка наподобие математика Григория Яковлевича Перельмана, доказавшего гипотезу Пуанкаре и не принявшего предложение баллотироваться в члены Академии — уникальный тип ученого, полностью индифферентного к статусности (писать докторскую Перельман тоже не стал). И это является исключением, подтверждающим вышеописанное правило.

Еще одно неперемное качество потенциального члена Российской академии наук — **основание либо развитие научной школы**, наличие учеников и продолжателей. Уникален пример основателя магнитной радиоспектроскопии академика Владислава Владиславовича Воеводского: он не дожил до 50 лет, но успел вырастить семь членов академии и несколько десятков докторов наук. Я горжусь тем, что являюсь «научным внуком» Воеводского через его прямого ученика академика Кирилла Ильича Замараева.

Тем не менее, карьера успешного ученого редко бывает столь стремительной, поэтому растет средний возраст и избирающих, и избираемых в Академию наук. Один из инструментов корректировки этого показателя — введение специальных вакансий (условно называемых «молодежными»), на которые могут претендовать будущие члены-корреспонденты в возрасте на дату выборов до 50 лет и, соответственно, потенциальные академики моложе 60 лет. Академики Вячеслав Иванович Молодин, Евгений Александрович Ваганов и автор этих строк являются, можно сказать, старожилками РАН, однако были избраны ее действительными членами в возрасте, еще не перешагнувшем за пятьдесят. Хотя лично я не считаю возраст квалифицирующим признаком. С одной стороны, научный руководитель Института ядерной физики им. Г.И. Будкера СО РАН Александр Николаевич Скринский стал членом-корреспондентом в 32 года, академиком — в 34. С другой стороны, упоминавшийся выше академик Геннадий Сакович недавно отметил 90-летие, продолжая научное руководство созданным им в возрасте более 70-ти лет институтом и активную научную деятельность. То есть правильно говорил академик Герш Ицкович Будкер, что ученые делятся не на молодых и старых, а на умных и дураков.

Могу предположить, что в процессе выдвижения и избрания в РАН будет поднята, как и в 2019 году, проблема заимствований, а то и прямого плагиата: современные технологии позволяют отслеживать всё до запятой. Здесь важно понимать грань, отделяющую корректную апелляцию к чужому результату от его присвоения. Тем более не допустимо продвижение в Академию наук персон, балансирующих на грани паранауки. Но в таких ситуациях — крайне редких, замечу — академическое сообщество проявляет высокую солидарность и не допускает в свои ряды таких людей.

Еще одна тема, которую наверняка будут муссировать СМИ (особенно не лояльные к Академии) — это семейственность. Но семейственность — это когда директор НИИ принимает на должность заместителя жену, а главным инженером делает зятя. Когда же в семье ученых дети идут по стопам родителей и добиваются высоких результатов — это научная династия, столь же приемлемая в нашей сфере деятельности, как и любой другой. Капицы, Патоны, Вавиловы, Ляпуновы, Лаврентьевы — вот далеко не все примеры. Хотя, заметим, не все члены этих династий выдвигались и избирались в Академию наук. Поэтому недопустимы ситуации, когда одна лишь принадлежность к семье выдающегося ученого становится стимулом к борьбе за членство в РАН или, напротив, поводом к бросанию «черных шаров» при тайном голосовании на выборах.

Лоббирование в целом — неизбежный атрибут любых выборов, и академические не исключение. В любой конкуренции за ограниченное число мест (что в парламент или горсовет, что в РАН) формируются коалиции, идет агитация. Не вижу ничего предосудительного в продвижении, к примеру, выдающихся сибирских ученых на вакансии, выходящие за пределы региональных квот. Тем более что есть прецеденты, когда такие кандидаты, хорошо известные за пределами Сибири, избирались в Академию во многом благодаря поддержке коллег из Москвы и Санкт-Петербурга.

Региональный фактор на выборах в РАН не может не беспокоить меня как председателя Сибирского отделения в двух аспектах. Про первый уже сказано: это прямая и открытая заинтересованность в том, чтобы на выборах победило максимальное число достойных представителей «Большой Сибири» от Тюмени до Якутска. Но важно и пропорциональное распределение вновь избранных членов Академии по сибирским регионам. Помимо соображений справедливости и территориальной связанности научно-образовательной системы важен момент коммуникаций с местными органами власти. Когда директор научного института или ректор

университета в городе N (особенно не очень крупном) становится академиком либо членом-корреспондентом РАН, то этот статус значительно прибавляет ему веса в общении с местным руководством и позволяет успешнее решать как накопившиеся, так и новые проблемы.

Если резюмировать рассуждения о выборах в Российскую академию наук, то основных выводов два. Первый: речь идет, что бы ни было записано в каких-либо законах и уставах, о важнейшей и сильнейшей научной организации нашей страны, уважаемой во всем мире и готовящейся отметить 300-летие со дня основания. Во-вторых, соответственно, членство в этой организации — высшая степень признания (не чиновниками, а самым профессиональным и квалифицированным сообществом) и нередко одни из вершин персональной карьеры исследователя. И для достижения этой цели амбиции соискателя академического звания, даже самые позитивные и здоровые, должны подкрепляться перечисленными выше амунициями. Как говорил мой учитель академик К.И. Замараев, пожизненным академиком выбирают для того, чтобы говорить правду. Иного быть не может.